

The background of the cover is a dark, moody scene featuring two large, light-colored roses in the foreground. Behind them is a large, glowing, circular orb that resembles a full moon or a lantern, casting a warm, golden light. The scene is filled with dark, silhouetted leaves and branches, creating a sense of depth and mystery. The overall color palette is dominated by deep blues, purples, and reds, with the warm glow of the orb providing a focal point of light.

Арсений Грищёв

Там, где гаснут фонари

18+

Арсений Грищёв

Там, где гаснут фонари

<https://litres.ru/73909434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера бежит от мужа-хирурга Андрея. Он бил, унижал, ломал рёбра, угрожал убить, называл своей вещью. Она сменила город, работу, паспорт. Стояла на мосту и почти прыгнула. Но появился он. Арсений — бывший военный хирург, ныне механик. Протез глаза, осколок в позвоночнике, шрамы на лице и руках. И рыжий кот Пушок, который чувствует живые души. Вера — архитектор, разучившаяся строить. Арсений — человек, отказавшийся чинить себя, но пытающийся спасти её. Андрей находит их. Начинается погоня через заброшенный ДК, чёрное озеро, контейнеровоз, подвалы Софии, Данию и Норвегию. Два сломанных человека учатся доверять, любить, проигрывать и снова подниматься. Чтобы однажды построить дом у моря с огромными окнами и башней. Чтобы зажечь фонари, которые больше не погаснут. Это не история о спасении принцем. Это хроника того, как жертва становится воином, а ветеран учится жить заново.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Там, где гаснут фонари

Глава

Пролог

Город Металлургов, 15 ноября, 19:42

Она стояла на краю недостроенной набережной. Ветер хлестал солёной крупой прямо в лицо, срывал капюшон пальто, но Вера застыла, как соляной столб.

В памяти всё ещё горело: крик матери по видеосвязи, скотч на её собственном запястье (глупо, по-детски — перетянуть, чтобы не тряслись руки), и смс от Андрея: *«Вернись. Я убью любого, кто посмотрит на тебя. А потом убью тебя за то, что ты заставила меня это сделать. Ты моя вещь».*

Она сменила сим-карту, сняла квартиру в этом забытом богом городе по паспорту, который когда-то сделала для потерянного кошелька. И теперь просто смотрела на чёрную воду.

— Если ты думаешь, что это похоже на джакузи, — раздался голос сзади, низкий, с хрипотцой, — то ошибаешься. В октябре там поймали труп. Всё тело в синяках, знаешь почему? Потому что даже мёртвым здесь больно.

Вера не обернулась.

— Я не собираюсь прыгать.

— Конечно. — Он подошёл ближе. Запах бензина, ма-

шинного масла и ещё чего-то горького — можжевельника? Табака? — ударил в ноздри. — Просто дышишь свежестью. В минус четыре. В чём попало.

— Вы мой участковый? — Она всё же повернула голову. И чуть не сделала шаг назад.

Мужчина был высок. Не «метр восемьдесят в спортзале», а тяжеловесный, налитой силой, которая не нуждается в демонстрации. Тёмные волосы сосульками свисали на лоб, под курткой «фискарс» угадывались широкие плечи и жилистая шея. Свет от единственного фонаря выхватил шрам — от скулы к подбородку, белесый, с рваными краями. И глаза. Прозрачные, льдисто-серые. Такие бывают у людей, которые видели, как головы отделяются от тел, и перестали просыпаться в холодном поту.

— Нет, — сказал он. — Я тот, кто заберёт тебя отсюда, если ты всё-таки решишься. Потому что полиция сюда не совается. А мне потом в этой луже ремонтировать машины.

Фыркнув, Вера потянула воротник выше.

— Героическое заявление. И часто вы подбираете девушек на мостах?

— Не называй меня «вы». — Он сделал ещё шаг. Теперь между ними — ладонь. — Или переходи на «ты», или я просто сломаю этот мост к чёртовой матери. Видишь ту вывеску? — Он кивнул на жёлтый неон за промзоной: «АВТО-77. РЕМОНТ ОТКАЗАЛСЯ УМИРАТЬ».

Вера кивнула.

— Это моя территория. На ней нет места чужим слёзам. И тем более — чужим смертям. Так что давай, архитектор. — Он поймал её взгляд, и от этого взгляда стало жарко, несмотря на ветер. — Иди отсюда. Живой.

Вера развернулась. Сделала три шага. Остановилась.

— Откуда вы... откуда ты знаешь, кто я?

— У тебя за ухом графитовый грифель. А второе сентября было три дня назад. Кроме архитекторов, никто не рисует планы в ежедневнике в таком бедламе.

Она почти улыбнулась. Почти.

— Ты всегда такой... прямым?

— Я всегда таким был. — Голос вдруг потерял насмешку, стал плоским, как лезвие. — А потом мне прилетело в позвоночник осколком от «Града». И теперь я прямым остался лишь в одном смысле. Спокойной ночи, Вера.

Она вздрогнула.

Он не спрашивал её имя. Знал. И не выглядел так, будто ему есть дело до её Андреев, скотча на запястьях и чёрной воды.

— Ты не дождёшься, — тихо сказала она.

Его рука легла на перила в двух сантиметрах от её пальцев.

— Уже дождался. — Он наклонился к самому уху. — И очень об этом пожалею.

Чёрт бы побрал этот город, — подумала Вера. И пошла домой. Быстрее, чем стоило.

А он курил, глядя ей вслед, и методично спускал окурок

О перила, пока тот не рассыпался в пепел.

Часть первая. «Бензин и ваниль»

Глава 1. Она. Суббота, 08:14

Проснулась от воя сигнализации. Чужой, надрывной, с интервалом в три секунды — умирающий сиреноголовый монстр, застрявший между гаражами.

Вера лежала на продавленном диване в квартире-студии, где стена напоминала лоскутное одеяло из разных обоев, а горячая вода появлялась только в те часы, когда просыпался бойлер. Пальцы сами нашарили телефон. Ноль пропущенных. Ноль сообщений.

«Андрей пока не вышел на след. Или вышел. И это значит, что он уже здесь. И смотрит».

Она мотнула головой. Паранойя. Восьмой день на новом месте, а мозг всё ещё живёт в режиме «ожидание удара в спину».

План на день: съездить в заброшенный Дом культуры на улице Кирова, сделать обмеры. Фонд «Сохраним наследие» заплатил копейки, но эти копейки позволяли не трогать банковскую карту, которую Андрей мог отследить.

Она натянула джинсы, мужскую фланелевую рубашку (бывшая мужа, сожжённая в мыслях, но оставленная в чемодане), налила в кружку вчерашний кофе. В зеркале в прихожей — бледное лицо, тени под глазами, губы сжаты в нитку.

«Ты некрасивая, когда не улыбаешься», — всплыл в голове голос Андрея.

— Зато живая, — ответила своему отражению Вера.

На выходе из подъезда она столкнулась с соседкой — Ириной Петровной, женщиной лет шестидесяти с лицом вечной свидетельницы апокалипсиса.

— Ох, милая! — Соседка схватила её за рукав. Морщинистые пальцы пахли капустой и валерьянкой. — А ты того... не ходи вчера вечером на набережную, а? Девушку одну утопленницу нашли. Совсем молоденькую. Я смотрю — ты похожа. Сплюнь!

Вера послушно сплюнула через левое плечо.

— Кто нашёл?

— Да этот... механик с вывеской дурацкой. Он там свой гараж у воды держит. Говорят, сам вытаскивать полез, глубина-то — по пояс. А она уже того, синяя. У него шрам на руке кровил, так он даже не забинтовал. Сядет, покурит и... — Ирина Петровна перекрестилась. — Злой человек. Совсем без страха божьего.

Вера вспомнила вчерашние льдисто-серые глаза. В них действительно не было страха. И жалости — тоже.

— Он опасен? — спросила она.

— Да кому он нужен, опасен... Платит вовремя за аренду, никого не трогает. Но дочек своих от него, милая, прячь. Потому что такие только ломают. И не знают, как собирать обратно.

«Бинго», — подумала Вера. Она была специалистом по сломанным мужчинам. Или мужчинами по сломанным ей? Разница стиралась после третьей сигары рома.

«Пора на работу».

ДК «Красный Октябрь» встречал её запахом мочи, плесени и великой советской тоски. Громадное здание с колоннами, когда-то театр, кинотеатр, танцевальный зал — теперь склад для старых декораций и наркопритон для местных крыс. Вера включила налобный фонарик, достала лазерную рулетку.

Она работала три часа. Зарисовала план второго этажа, сфотографировала лепнину на потолке, которую ещё не успели разодрать на металлолом. В зале, где когда-то крутили «Москва слезам не верит», висела люстра — два центнера хрусталя и пыли.

— Слезем, — прошептала она, глядя вверх. — Обязательно слезем.

Хруст стекла заставил её вздрогнуть.

— Здесь я, — раздалось из-за кулис. Голос — слишком низкий для подростка, слишком спокойный для грабителя.

Вышел он. Вчерашний. В чёрной футболке с выцветшим логотипом какой-то метал-группы, в таких же чёрных тактических штанах, заляпанных маслом. На левом предплечье — свежий пластырь. Тот самый, «кровил».

— Слежка? — Вера сжала рулетку как дубинку.

— Ремонт. — Он кивнул в сторону щитка в коридоре. —

Говорят, проводка искрит. А у тебя в руках — лазер. Идеальное алиби для поджигателя.

— Ты всегда так шутишь? Или только с потенциальными самоубийцами?

Он подошёл ближе. Свет фонарика скользнул по его лицу — и Вера поняла, что вчера не заметила главного. Под левым глазом — ещё один шрам, тонкий, хирургически точный. И сам глаз... чуть-чуть не фокусируется. Протез? Искусственный хрусталик?

— Я не шучу, — сказал он. Взял её локоть. Крепко, но не больно. Большим пальцем провёл по внутренней стороне запястья — там, где два дня назад была сухая кожа без следов. А вчера, после набережной, она перетянула руку скотчем снова. Глупая привычка. Успокаивало.

— Перестань, — выдохнула Вера.

— Я ничего не делаю. — Он отпустил. Но смотрел так, будто рентген. — Расскажи, архитектор. Ты всегда носишь на себе следы чужой любви? Или только эту?

— Ты ничего не знаешь.

— Наоборот. — Он кивнул на её руку, где под рубашкой угадывался неровный край татуировки — старая, выцветшая роза на сгибе локтя. — Тату «V & A». Симметричная. Делали в салоне, где мастер пил на рабочем месте, потому что буква «А» съехала на два миллиметра. Он мудака? Тебе не нравится его почерк. Или когда он входит в тебя так, что ты прячешь синяки под длинными рукавами?

— Заткнись! — вырвалось у Веры.

И тут же испугалась собственного крика. Звук разнёсся по пустому залу, ударился о колонны, вернулся эхом чужого страха.

— Хорошо, — кивнул он. — Заткнулся. Но один вопрос, архитектор. Честный. — Он наклонил голову, и пластырь на его предплечье чуть отклеился, показывая край глубокой, незажившей раны. — Когда ты вчера стояла на мосту, ты действительно не хотела прыгать? Или просто боялась, что вода окажется слишком холодной?

Вера молчала десять секунд. Двадцать.

— Боялась, — сказала она наконец. — Что вода окажется именно такой. Ледяной. И что в последний момент я захочу выжить.

Он кивнул, словно услышал правильный ответ на экзамене.

— Меня зовут Арсений. — Протянул ладонь. Жёсткую, с мозолями, сбитыми костяшками. — Но для тебя — просто тот мудака, который перегораживает воду своим старым «Фордом», когда видит на мосту одинокий силуэт. Идём, я подвезу тебя до дома. У тебя зуб на холодном стучит.

— Я не сажусь в машину к незнакомцам.

— А я не предлагаю секс. — Он усмехнулся. Впервые. И у него оказалась кривая улыбка — почти мальчишеская, если бы не шрамы. — Я предлагаю кофе. Термос в бардачке. И ответы на вопросы, которые ты боишься задать вслух.

Они вышли из ДК. Холодный ноябрьский свет ослепил Веру, и она на секунду уцепилась за его локоть. Арсений не отдёргнул руку. Просто дал ей эту опору — молча, без намёка на собственничество. И это было страшнее, чем любой захват Андрея.

Потому что от таких, как Арсений, не убегают. От них хотят остаться. Даже когда разум кричит: «Беги, дура, беги, это тебя убьёт».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.